

Глава IV. Годы выживания и формирования государства (1918 — 1921)

I. ПРЕВРАЩЕНИЕ БОЛЬШЕВИЗМА В ГОСУДАРСТВЕННУЮ СТРУКТУРУ

1. Первые декреты

Через два часа после ареста Временного правительства II Всероссийский съезд Советов ратифицировал два основных декрета, подготовленных Лениным. В Декрете о мире говорилось, что «рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире». Кроме того, новое правительство решило отменить тайную дипломатию и опубликовать секретные договоры, заключенные царским и Временным правительством.

В действительности декрет был адресован не правительствам, а скорее международному общественному мнению и свидетельствовал о желании новой власти подорвать сложившуюся мировую систему государств. Великие державы не могли принять предложение, выдвинутое большевиками. Декрет гласил, что мир «без аннексий и контрибуций» означает всеобщий отказ от любого господства, навязанного народам Европы или Америки. Это было не чем иным, как призывом к разрушению колониальных империй. Большевики надеялись, что обнародование декрета (на который фактически никто не обратил внимания), подкрепленное их победой (которая произвела большее впечатление), вызовет волнения, достаточные, чтобы вынудить правительства искать мира. Декрет сознательно ставил себя за рамки традиционной дипломатии, он был рассчитан на победу революции в Европе. Союзники России отказались рассмотреть эти предложения и признать новое правительство, обреченное, по их мнению, на скорое исчезновение. Вильсон в своем ответе напомнил о «14 пунктах» и отказался от сепаратного мира с центральными державами, а те, заинтересованные в том, чтобы получить свободу действий на востоке, дали понять, что согласны на переговоры с большевиками.

Через несколько недель к Декрету о мире добавился еще один документ — Декларация прав народов России, — столь же резко выходящий за рамки существующих норм, поскольку основывался на принципе революционного освобождения народов. Декларация провозглашала равенство и суверенность народов бывшей Российской империи, их право на свободное самоопределение, вплоть до отделения, отмену всяких национальных и религиозных привилегий и ограничений.

Декрет о земле, принятый 26 октября, узаконивал то, что было сделано начиная с лета многочисленными аграрными комитетами: изъятие земель у помещиков, царского дома и зажиточных крестьян. Его текст повторял наказ о земле, выработанный эсерами на базе 242 местных наказов: «Частная собственность на землю отменяется безвозмездно. Все земли передаются в распоряжение местных Советов». Эсеры заявили протест: большевики украли их программу.

«Пусть так, — ответил им Ленин. — Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы с ним были несогласны. В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос... В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь».

Согласно Декрету о земле, каждая крестьянская семья должна была получить в среднем по две-три десятины земли. Прибавка значительная, но, во всяком случае на первое время, бесполезная. За неимением скота и техники, земля не могла быть использована рационально. Тем не менее в течение нескольких месяцев престиж большевиков в деревне достиг высшей точки (об этом свидетельствует увеличение числа сельских партийных ячеек в первые месяцы 1918 г.). Крестьяне, конечно, не дожидались декрета, чтобы вершить «свою» революцию, однако он укрепил их в убеждении, будто большевики, о которых они только слышали, являются теми «максималистами», которые одобряют их действия.